

УДК 94(470)"1894/1917"

doi 10.17072/2219-3111-2017-4-67-77

ПРИДВОРНЫЙ ШТАТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

С. В. Богданов

Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 195112, Санкт-Петербург, Заневский пр., 36
skycaptain@mail.ru

Статья посвящена малоизученной теме – социальному составу придворного штата императора Николая II (1894–1917 гг.). В силу особенностей государственного строя институт двора являлся неотъемлемой частью аппарата власти, а его члены – наиболее элитарной группой общества Российской империи конца XIX – начала XX в. Обобщение персональных данных более чем 2500 придворных, выявленных в ходе исследования в фондах структурных частей Министерства императорского двора и других государственных учреждений и ведомств, дали возможность создать социальный портрет члена бюрократической элиты времени последнего царствования. Он свидетельствует о сохранении традиционных цензов: образования, карьеры, семейных отношений – для включения в состав правящей элиты. Оценка ключевых критериев, использовавшихся при инкорпорации чиновника в состав придворного штата: социальной принадлежности, происхождения, образования, предшествующей служебной карьеры, благосостояния, показывает изменение их для правящей элиты империи, имевшее следствием вытеснение с лидирующих позиций в ней представителей старой поместной аристократии, для которых служба являлась элементом социализации в обществе, высокообразованными профессиональными бюрократами, для которых служба была единственным источником благосостояния. Анализ обусловленности решений в ходе инкорпорации и экскорпорации членов придворного штата, механизма принятия этих решений, характера требований к социальному и профессиональному облику носителя придворного звания позволяет представить топологию социального пространства правящей элиты Российской империи. Большинство архивных материалов фонда канцелярии Министерства императорского двора, использованных в исследовании, впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Российский императорский двор начала XX в., придворные чины и звания, бюрократическая элита, правящий класс, почетные отличия дворянства Российской империи, социальный состав правящего класса Российской империи.

27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце состоялась церемония в честь открытия Первой Государственной думы. В Георгиевском зале толпились «интеллигенты» в пиджаках, крестьяне в поддевах и смазных сапогах, белорусы в белых свитках, горцы в черкесках, азиат в халате и даже какой-то дядя в .... светлом спортивном костюме из полосатой фланели и желтых башмаках. Избранникам народа был явлен весь блеск государственного аппарата Российской империи – напротив них разместилась точно из золота и серебра шитая стена высших сановников и придворных» [Любимов, 1965, с. 48]. Пышность и великолепие императорского двора, описанные Львом Дмитриевичем Любимовым, сыном непосредственного участника действия, гофмейстера Д.Н. Любимова, были призваны осуществлять его главное предназначение – транслировать образ самодержца как правителя огромной империи подданным и всему миру.

Помимо представительской двор имел и утилитарные функции, такие как организация и обеспечение повседневной жизни монарха и его семьи. В соответствии с этим в личный состав императорского двора – придворный штат – входили лица, носившие придворные чины и звания, придворные дамы (статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины), придворные медики и придворнослужители¹. В социальном отношении придворный штат делится на две группы, между которыми лежала большая пропасть. Членство последних двух категорий придворного штата было обусловлено служебными обязанностями, первые же две принадлежали к правящей элите государства. В эпоху последнего царствования численность придворного штата достигает наибольшего размера, процесс инкорпорации формализуется и на него все большее влияние оказывают руководители министерств и ведомств. Анализ комплектации этой части придворного штата, обобщение социальных признаков его членов позволяют представить социальный портрет идеального представителя правящей элиты Российской империи конца XIX – начала XX в.²

Впервые история придворного штата Российской империи была затронута непрофессиональным историком коллежским советником Николаем Егоровичем Волковым в его книге «Двор русских императоров в его прошлом и настоящем», увидевшей свет в Санкт-Петербурге в 1900 г. Автор, чиновник Канцелярии Министерства императорского двора, весьма подробно описал возникновение и развитие системы придворных чинов, их права и обязанности, место в аппарате власти Российской империи, щедро разбавив повествование историческими фактами. В советской историографии данная тема долгое время пребывала в забвении. Единственная статья, посвященная ей, была написана сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР доктором исторических наук Леонидом Ефимовичем Шепелевым и увидела свет в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины» [Шепелев, 1976, с. 150–163]. В ней автор описал феномен придворного штата, соответствие его чинов гражданским чинам в Табели о рангах, обмундирование его членов, их обязанности при участии в придворных ритуалах и церемониях, не рассматривая социально-политический аспект придворного штата как обособленной группы в системе управления государством в эпоху старого режима. Эта тема была еще раз затронута Л.Е. Шепелевым в книге «Титулы, мундиры, ордена в Российской империи» [Шепелев, 1991]. Новое освещение проблема придворного штата получила в трудах сотрудника Санкт-Петербургского института истории кандидата исторических наук Сергея Викторовича Куликова, опубликованных в 1995–2002 гг. (см. [Социальный облик..., 1995, с. 20; Высшая царская..., 2000, с. 21–108; Необычайно презрительное..., 2002, с. 218–235; Куликов, 2003, с. 79–85; 2004, с. 57–82]). В этих работах автор, рассматривая придворный штат как единую социально-культурную группу, исследовал взаимоотношение номенклатуры чинов группы и чиновной номенклатуры государственного аппарата, осуществил статистический анализ социального происхождения членов группы, их образования, конфессиональной принадлежности и имущественного положения (все применительно к 1917 г.), описал взаимопроникновение придворного и предпринимательского миров и положение этнических немцев в придворной среде.

Количественный состав и номенклатура чинов двора были выявлены по данным «Адрес-календаря» и «Придворного календаря», а также документов прежде всего канцелярии Министерства императорского двора (РГИА. Ф. 472), Кабинета Его Императорского Величества (РГИА, Ф. 468), Придворной конторы (РГИА.Ф. 469) и иных учреждений Министерства императорского двора, формулярных списков и личных дел министерств и ведомств.

Структурно придворный штат делился на первых чинов двора (1), вторых чинов двора (2), церемониймейстеров, лиц, состоящих в должностях вторых чинов двора и церемониймейстеров (3), придворных кавалеров (4).

За исключением обер-шталмейстера, руководившего придворной конюшенной частью, обер-гофмаршала, управлявшего гофмаршальской частью, обер-церемониймейстера, возглавлявшего церемониальную часть, и одного из обер-егермейстеров, руководившего Императорской охотой, все остальные придворные чины являлись почетными.

Номенклатура придворных чинов и званий была связана с Табелью о рангах. Первые чины двора приравнивались к действительным тайным советникам, за исключением обер-церемониймейстера, если он имел чин тайного советника. Вторые чины двора были приравнены к тайным советникам. Лица, не имевшие чина 3-го класса, могли быть пожалованы в «должность» вторых чинов двора, считаясь как бы кандидатами на этот чин и получая право ношения соответствующего ему придворного мундира. Церемониймейстеры состояли в 5-м классе, но в виде особой милости этот придворный чин могли сохранить при производстве в действительные статские советники. Чиновники, не имевшие чина статского советника, могли быть также пожалованы в должность церемониймейстера. Звания камергеров и камер-юнкеров не были так жестко сопряжены с Табелью о рангах. К званию камергеров разрешалось по правилам представлять только действительных статских советников или статских советников, имевших звание камер-юнкера, к званию камер-юнкеров – чиновников VIII–V классов; при пожаловании состоящего в звании камер-юнкера статского советника следующим чином он автоматически выбывал из придворного штата.

Таблица 1

Структура и численность придворного штата в 1894–1917 гг., чел.

Должность/звание	Год				
	1894	1897	1905	1914	1917
Обер-камергер	1	3	1		1
Обер-гофмейстер	5	7	4	6	6
Обер-шталмейстер	1	1	1	1	1
Обер-егермейстер	1	2	3	7	6
Обер-шенк	1	1	1	1	2
Обер-гофмаршал	1	1	1	1	1
Обер-форшнейдер	1	1			
Обер-церемониймейстер	2	2	2	2	2
Гофмаршал	1	1	1		
Гофмейстер	35	42	61	101	103
Егермейстер	6	7	14	22	17
Шталмейстер	17	22	32	44	40
Церемониймейстер	9	13	15	28	30
В должности гофмаршала				1	1
В должности гофмейстера	16	20	22	28	26
В должности егермейстера	8	17	15	21	19
В должности шталмейстера	26	29	39	58	57
В должности церемониймейстера	8	13	14	17	11
В звании камергера	174	187	274	375	362
В звании камер-юнкера	248	246	277	416	359
Итого	561	615	777	1129	1044

Некоторое количество придворных чинов и званий жаловалось «вне правил» императором, что позволяло обойти жесткие правила чинопроизводства. Высочайше утвержденными 22 февраля 1902 г. правилами о порядке представления на высочайшее воззрение списка кандидатов на пожалование в придворные чины и звания было постановлено «пожалование в придворные чины гофмейстера, шталмейстера и егермейстера сообразовать со сроками награждения чином тайного советника». В чин тайного советника могли быть произведены лица, прослужившие в чине действительного статского советника не менее десяти лет и занимающие должности не ниже 4-го класса, причем десятилетний срок мог быть сокращен не более чем на три года при награждении за выдающиеся отличия (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1906 г. Д. 10 г. Л. 26 об.). Это правило нередко нарушалось. Так, камергер П.А. Столыпин был пожалован в 1906 г. императором в гофмейстеры, прослужив в чине 4-го класса всего два года (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1906 г. Д. 10 г. Л. 1). Зять статс-секретаря Э.В. Фриша В.А. Лыщинский стал гофмейстером, прослужив в чине действительного статского советника четыре года (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1906 г. Д. 10 г. Л. 14 об.). Областной предводитель дворянства войска Донского в должности шталмейстера коллежский асессор В.И. Денисов по случаю войсковой годовщины был утвержден в должности шталмейстера, передвинувшись после пожалования с 8-го в 3-й класс по Табели о рангах (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1906 г. Д. 10 а. Л. 36–72; Ф. 740. Оп. 8. Д. 317).

Таблица 2

Состав придворного штата по чинам

Чины	Год					
	1894		1897		1914	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
I–IV класс	204	36,3	235	38,2	486	43,1
V–VIII класс	255	45,5	282	45,8	528	46,7
IX класс – не имеющие чина	102	18,2	98	16	115	10,2

Инкорпорация в состав придворного штата и пожалование новых придворных чинов и званий инициировались императором, императрицами, членами августейшей фамилии, министром императорского двора, руководителями министерств и ведомств и некоторыми сановниками, пользовавшимися особым доверием императора Николая II. Пожалования традиционно приурочивались к Пасхе и тезоименинству императора – 6 декабря, именинам императриц (для кандидатов, ими предложенных), кроме того, к определенным памятным датам и событиям или к посещениям императором тех или иных местностей, когда жаловались представители местной администрации. Часто жаловались придворные чины и звания уходящим в отставку офицерам гвардейских полков Петербургского гарнизона, особенно подшефных Их Величествам: Гусарского, Преображенского, Кавалергардского, Уланского и др.

При представлении к пожалованию придворным чином обычным порядком руководители ведомств направляли в канцелярию Министерства императорского двора списки кандидатов. Если министерство считало возможным внести кого-либо в «большой список», оно обязательно запрашивало по месту службы определенные личные данные: так называемое «краткое сведение» о возрасте, времени вступления в службу, должности, чине, вероисповедании, образовании, семейном положении, родителях и имущественном положении претендента. Достоянные персоны включались Канцелярией Министерства императорского двора в «малый список», подававшийся на утверждение императору. Хотя формирование придворного штата подчеркнуто не было регламентировано законами, относясь к личной воле императора, к началу XX в. членство в придворном штате стало рассматриваться бюрократическим аппаратом как своего рода служебное отличие, что порождало определенные противоречия между ним и императорской властью. Приморский вице-губернатор надворный советник В.И. Лодыженский (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1911 г. Д. 119) был пожалован Николаем II в камер-юнкеры по просьбе императрицы Александры Федоровны как бывший офицер подшефного ей лейб-гвардии Уланского полка и был награжден чином коллежского советника без ведома непосредственного руководства. Возмущенный приамурский генерал-губернатор шталмейстер Н.Л. Гондатти в переписке с министром внутренних дел указывал, что такие награждения, прошедшие мимо непосредственного начальства, подрывают авторитет самой власти (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1911 г. Д. 13. Л. 53–54 об.). Министр гофмейстер Н.А. Маклаков принял сторону Гондатти, и император, ознакомившись с обстоятельствами дела, был вынужден с ними согласиться (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1911 г. Д. 13. Л. 60).

Наибольшее внимание при рассмотрении кандидатуры к придворному пожалованию уделялось чину кандидата и его службе, образованию и родственным связям. Так, бывшему офицеру лейб-гвардии Драгунского полка чиновнику особых поручений 5-го класса при Министре внутренних дел действительному статскому советнику Н.А. Фрейгангу было отказано в придворном звании ввиду того, что его служебная деятельность проходила в Департаменте полиции исполнительной (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1911 г. Д. 13. Л. 101). С другой стороны, чиновник Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений А.П. Байер к юбилею учреждения был пожалован в камер-юнкеры за родство (кстати, мнимое) с первым председателем комиссии по принятию прошений обер-гофмейстером Р.А. Кошелевым, не будучи дворянином и даже не состоя в чинах, дающих право на дворянство (РГИА. Ф. 1409. Оп. 11 (доп). Д. 5). Таким же образом состоялось пожалование недворянина А.Г. фон Лауреля, внука генерала от инфантерии барона Н.П. Криденера и родственника генерал-адъютантов Д.А. и Г.А. Скалонов (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1913 г. Д. 47. Л. 7). Исследования происхождения претендента не проводились – Департамент герольдии Правительствующего сената по этому вопросу не запрашивался, и канцелярия Министерства императорского двора вполне довольствовалась сведениями, указанными в послужном списке или сообщаемыми ведомствами. Главное, чтобы претендент соответствовал принятому социальному облику члена бюрократической элиты империи. Остальные критерии «Краткого сведения» имели малое значение либо не имели его вовсе. Указанные обстоятельства приводили к тому, что на формирование придворного штата значительное влияние оказывали руководители ведомств, продвигавшие угодных кандидатов и отсеивавших неугодных.

Всего в годы царствования Николая II чиновников, имевших придворные чины и звания, насчитывалось 1668. Наибольшего размера императорский двор достигает в 1914 г. – придворные чины и звания носили 1129 чиновников.

Таблица 3

Распределение членов придворного штата по ведомствам, чел.

Ведомство	Год				
	1894	1897	1905	1914	1917
Министерство внутренних дел	157	174	249	331	291
Министерство иностранных дел	104	105	121	142	127
Министерство императорского двора	36	51	76	84	74
Министерство финансов	19	15	21	37	36
Министерство юстиции	18	21	30	55	69
Государственная канцелярия	15	18	24	50	46
Государственный совет	1	3	7	36	41
Собственная ЕИВ канцелярия	2	6	8	8	9
Собственная ЕИВ канцелярия по принятию прошений	5	4	6	13	9
Канцелярия Совета министров	1	1	11	19	13
Ведомство учреждений императрицы Марии	9	13	21	32	33
Главное управление государственного коннозаводства	10	10	9	12	8
Министерство земледелия и государственных имуществ	12	13	21	50	41
Государственный контроль	2	2	4	6	8
Министерство путей сообщения	6	6	9	19	17
Министерство народного просвещения	9	9	9	11	11
Министерство торговли и промышленности			3	10	12
Святейший Синод	4	2	2	5	5
Военное министерство	1	4	1	2	1
Морское министерство					1
Государственная дума				6	3
Администрация Царства Польского	14	19	24	24	20
Администрация Великого княжества Финляндского	9	12	11	11	12
Администрация наместника ЕИВ на Кавказе	4	3	1	6	5
Лица, служащие по благотворительным учреждениям	80	77	77	95	91
Лица, не имеющие места службы	43	47	32	67	61

Распределение чиновников по месту службы было крайне неравномерным как в абсолютном (т.е. по отношению друг к другу), так и в относительном (по отношению к штату места службы) плане – от таких «заповедников» аристократии, как Министерство иностранных дел и Государственная канцелярия, в которых придворные звания носили от трети до половины чиновников, до других, больших по размеру ведомств, в которых членов придворного штата насчитывалось единицы. Это можно объяснить рядом факторов: в Военном и Морском министерствах, Святейшем синоде было незначительное количество должностей для гражданских лиц; служба в ряде ведомств, таких как Министерство народного просвещения, Главное управление почт и телеграфов, Медицинский департамент МВД, считалась в аристократической среде заведомо не престижной; наконец, существенное значение имел сам характер службы.

В 1914 г. 34 % членов придворного штата были чиновниками Государственного совета, Государственной канцелярии, Правительствующего сената, центральных учреждений министерств и ведомств, расположенных в столице. В данную группу входили высшее чиновничество, руководители ведомств и крупных структурных подразделений.

Доля чиновников провинциальной администрации составляла 30%. Среди них 2 генерал-губернатора, 37 губернаторов (из 80), 25 вице-губернаторов (из 80), 33 губернских предводителя дворянства (из 47), 104 уездных предводителя дворянства (из 437).

Распределение чиновников – членов Придворного штата по характеру службы, чел.

Ведомство	1	2	3	4	5	6
Министерство внутренних дел	30	251				51
Министерство иностранных дел	26	1	93			22
Министерство императорского двора	60	14				8
Министерство финансов	30	4				3
Министерство юстиции	41	9				5
Государственная канцелярия	36					14
Государственный совет	37					
Собственная ЕИВ канцелярия	6					2
Собственная ЕИВ канцелярия по принятию прошений	13					
Канцелярия Совета министров	15					4
Ведомство учреждений императрицы Марии	13	1				18
Главное управление государственного коннозаводства	8	2				1
Министерство земледелия и государственных имуществ	31	5				15
Государственный контроль	4	2				
Министерство путей сообщения	11	2				6
Министерство народного просвещения	6	2				3
Министерство торговли и промышленности	6	1	3			
Святейший Синод	2	1				2
Военное министерство	2					
Государственная дума	6					
Администрация Царства Польского	1	21				
Администрация Великого княжества Финляндского	1	10				
Администрация наместника ЕИВ на Кавказе		6				
Лица, служащие по благотворительным учреждениям				95		
Лица, не имеющие места службы					67	

Примечание: 1 – чиновники центральных учреждений, 2 – чиновники провинциальных учреждений, 3 – дипломатические чиновники, 4 – чиновники благотворительных учреждений, 5 – лица с неопределенным служебным статусом, 6 – причисленные к различным министерствам и ведомствам

На дипломатов приходилось 8% придворного штата. Придворные чины и звания носили 29 чрезвычайных и полномочных послов, посланников, министров и министров-резидентов, 8 советников посольств, 37 секретарей посольств разного ранга, 4 лица, состоящих при посольствах, и 11 генеральных консулов. Ввиду важности представительского момента в дипломатической службе часто придворный чин или звание жаловались вне правил.

Благотворительная деятельность была популярна в среде высшей аристократии начала XX в. – 8 % придворных состояли на службе почетными попечителями и членами советов благотворительных, образовательных и социальных учреждений, позволявшей иметь социальный статус государственного служащего, не обременяя себя служебными обязанностями³.

14% придворных были причислены к тому или иному ведомству. Участвуя в чиновничьем производстве, они не несли определенных обязанностей и не получали жалования. 6% придворных, не имевших определенных должностей, вероятно, являлись уволенными в отставку чиновниками, сохранившими придворное звание в виде особой милости императора.

Помимо степени престижности того или иного ведомства или особенностей службы в нем чиновничество разделял характер самой службы, которую можно условно разделить на два типа. К первому относились служба в органах власти и выполнение почетных обязанностей в благотворительной сфере, ко второму – выполнение вспомогательных функций для чиновников первого типа или служба специалистов (врачи, педагоги и пр.).

Служба первого типа считалась единственно достойной для придворного. В соответствии со сложившимися понятиями в Министерстве иностранных дел придворные звания носили почти исключительно чиновники дипломатической службы (служащие Канцелярии министерства, Первого департамента и дипломатических представительств), представление же к пожалованию чиновников консульской службы допускалось Министерством императорского двора в исключительных случаях – министр иностранных дел С.Д. Сазонов отказался поддержать ходатайство о пожаловании придворного звания консулу в Дамаске князю Б.Н. Шаховскому, мотивируя это тем, что «лица, состоящие на консульской службе по Министерству иностранных дел, обычно к придворным пожалованиям не представляются» (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1913 г. Д. 10а. Л. 41–41 об.; Д. 10 б. Л. 262–268).

В Министерстве внутренних дел придворные служили в центральных и губернских учреждениях, причем их традиционно не было в таких частях министерства, как Департамент полиции исполнительной, Управление главного врачебного инспектора или Ветеринарное управление. В Главном управлении почт и телеграфов из огромного количества классных чиновников придворные звания носили только трое: московский почт-директор и впоследствии начальник управления камергер В.Б. Похвиснев (РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 3789, 3795), помощник начальника управления камергер С.К. Хитрово (РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 1. Л. 185–190) и начальник Варшавского почтово-телеграфного округа церемониймейстер С.В. Степанов (РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 4675. Л. 1–11.). Из них только Похвиснев был пожалован придворным званием, состоя на службе по почтовому ведомству, и только после того, как выяснилось, что случай пожалования московского почт-директора уже был и что сам претендент – бывший офицер лейб-гвардии Измайловского полка – происходит из хорошего дворянского рода (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1912 г. Д. 10 г. Л. 124; 1913 г. Д. 10 е. Л. 109–116). Хитрово и Степанов получили придворные звания в бытность на другой службе. Первый из них – в бытность карачевским уездным предводителем дворянства, второй – занимая должность управляющего канцелярией Московского губернатора. В придворном штате состояли только три городских головы: петербургский – гофмейстер граф И.И. Толстой (пожалованный, впрочем, на прежней службе), вилькомирский – богатейший помещик граф Коссаковский и одесский – камергер Моисеев. Единственный врач, князь Лордкипанидзе, стал камергером в бытность тифлиским губернским предводителем дворянства, но в придворных списках его врачебная практика не указывалась.

Из 11 членов придворного штата – чиновников Министерства народного просвещения – по состоянию на 1914 г. никто никогда не занимался педагогической деятельностью. Среди них было пять чиновников центральных учреждений министерства, в том числе попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.М. Прутченко (сын тайного советника и бывший уездный предводитель дворянства, женатый на фрейлине Веневитиновой), директор Московского Публичного и Румянцевского музеев в должности шталмейстера действительный статский советник князь В.Д. Голицын, товарищ председателя Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве егермейстер князь Н.С. Щербатов, причисленный к министерству в звании камергера, действительный статский советник князь В.П. Мещерский. Теоретически преподаватель гимназии мог дослужиться до чина 5-го, а директор гимназии – до 4-го класса, однако представить их в составе придворного штата было невозможно, даже если их происхождение к тому располагало. Как исключение можно упомянуть о пожаловании звания камер-юнкера секретарю Императорского Александровского лицея коллежскому советнику А.А. Рубцу (ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3942. Л. 6) по случаю празднования столетия учебного заведения. Инспектор Лицея действительный статский советник А.А. Повержо (ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3896. Л. 89) был пожалован званием камергера в силу элитарности и значимости этого учебного заведения для государственного аппарата. Будущий академик АН СССР биолог А.А. Ячевский четырежды вносился в кандидатские списки по просьбе великой княгини Елизаветы Федоровны и обер-гофмейстерины Нарышкиной и был пожалован только ввиду своего родства по материнской линии с князьями Голицыными (РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1912 г. Д. 10 в. Л. 284–302). Занятия актерским ремеслом, ваянием и живописью допускались только как хобби. Из чиновников Министерства императорского двора придворные звания носили немало чиновников Конторы императорских театров, но ни одного артиста, немало чиновников Императорской академии художеств и Императорского Эрмитажа, но ни одного действительного

члена Академии художеств. Стереотипы распространялись и на частную службу. Она была запрещена чиновникам первых четырех классов и особенно первым и вторым чинам двора. При отсутствии формальных запретов для остальных придворных, факт получения каких-либо средств на частной службе мог сильно повредить придворной карьере.

Подавляющее большинство членов придворного штата – 64 % (1072 чел.) – по рождению принадлежали к аристократии и были выходцами из придворно-гвардейской среды. 13 % (212 чел.) происходили из семей генералитета и высшей бюрократии. Оставшиеся 23 % (384 чел.) являлись новыми людьми в придворной среде, происходящими из среднего дворянства и бюрократии, даже из купечества и мещан, попавших в нее благодаря служебным заслугам и престижу ведомства. Жесткая централизация аппарата власти, отсутствие каких-либо особенных прав и привилегий, не связанных со службой, привели к тому, что степень знатности определенного человека или рода зависела от положения, которое этот персонаж или семья занимали в аппарате власти.

Немалое значение для придворного имели происхождение и родственные традиции. 1668 членов придворного штата эпохи царствования Николая II происходили из 921 рода. Большая часть придворных – 65 % (1086 чел.) – принадлежали к родам, имевшим в составе придворного штата двух и более представителей. Цвет придворного штата составляли 46 фамилий (355 чел.), имевших в его составе более четырех членов. Так, придворный мундир носили 27 князей Голицыных, 18 графов и дворян Толстых, 15 графов и баронов Корф, 14 князей Гагариных, 13 князей Урусовых, 11 князей Трубецких и т.д.

К старому дворянству относилось 1236 чел. (74 %), происходивших из дворянских родов (включая титулованных), родоначальники которых упоминались ранее 1685 г. Основу этой группы составляли старомосковское дворянство, чьи фамилии можно встретить в боярских списках, провинциальное дворянство великорусских губерний, наконец, члены местных элит национальных окраин Российской империи (Царства Польского, западных губерний государства, Прибалтики, Великого княжества Финляндского, Кавказа и Бессарабии). Членов этих групп объединяли общие социальные, духовные и экономические традиции и ценности правящего сословия: примат государственной и особенно военной службы, землевладение как источник благосостояния, сложившиеся веками тесные родственные связи внутри своих групп. Новых дворян насчитывалось 291 чел. (17,5 %), чьи предки выслужили дворянство чинами и орденами на военной и особенно гражданской службе в XVIII–XX вв. (включая титулованные семьи). Дворянские традиции в этой группе были заметно слабей, они заменялись традиционными бюрократическими ценностями. Безусловно, интересен как социальный феномен тот факт, что 12 придворных пользовались правами дворянского достоинства де-факто, формально считаясь дворянами, но не будучи утверждены официально в Департаменте герольдии⁴.

В придворном штате православных насчитывалось 1358, лютеран – 170, католиков – 97, армяно-григориан – 8, англикан – 5, мусульман – 1. В национальном отношении придворный штат делился на несколько групп. Большинство придворных была этнически русскими – 943 чел. (56%). Прибалтийская группа (дворянство Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний) составляла 194 чел. (12 %): 105 лютеран, 71 православный и 4 католика. Поляков (уроженцев Царства Польского и губерний, присоединенных после разделов Речи Посполитой) в придворном штате состояло 123 чел. (7%): 89 католиков, 30 православных и 1 лютеранин. Потомков малороссийских казаков было 77 чел. (5%); выходцев с Кавказа – 34 чел. (2 %), из них 25 православных (грузинское дворянство), 8 армяно-григориан и 1 мусульманин; дворян Великого княжества Финляндского – 27 чел. (2%): 23 лютеранина и 4 православных. Потомков иностранцев, осевших в Российской империи в течении XVIII–XIX вв. и не успевших полностью ассимилироваться, насчитывалось 239 чел. (15 %): 180 православных, 41 лютеранин, 4 католика, 5 англикан.

Основными источниками благосостояния дворянства Российской империи к началу XX в. традиционно оставались землевладение и государственная служба. Послужные списки и иные биографические материалы свидетельствуют, что в придворном штате землевладельцев было 806 чел., или 48%. Из них 275 чел., принадлежавших к 145 родам (16%), владели более чем 10 тыс. десятин земли. По данным Л.П. Минарик, из 101 собственника, владевшего 50 и более тысячами десятин земли, только 6 не были дворянами. Подавляющую часть упомянутых ею семей можно причислить к аристократии, и половина указанных собственников или членов их семей состояли в

придворном штате [Минарик, 1971, с. 13–19]. У 52% членов придворного штата количество земли осталось неизвестным, либо ее не было вовсе. Наличие в составе придворного штата данной группы профессиональных бюрократов, для которых служба являлась единственным источником дохода, свидетельствует о двух тенденциях: обеднении старого служилого сословия – дворянства – и проникновении в правящую элиту выходцев из других сословий, землей никогда не владевших и к этому не стремившихся.

К началу XX в. Российская империя, несмотря на успехи в экономическом и социальном развитии, оставалась самодержавной страной, управляемой непубличными институтами власти. Природа самодержавной власти была божественна, личность самого императора священна. Отблеск этой сакральности падал на чиновников, облаченных в придворные мундиры, что являлось квинтэссенцией правящей элиты Российской империи, рекрутировавшейся из среды дворянства и высшей бюрократии. Особенности комплектации данной группы демонстрируют социальные и профессиональные ценности правящей элиты, методику принятия решений в процессе кооптации чиновника в состав придворного штата, рейтинг ведомств и их структурных частей и систему взаимоотношений их и Министерства императорского двора. Личные черты характера каждого императора, социальные и политические особенности каждой эпохи накладывали печать на двор, который императора окружал. Маргиналии Николая II на страницах списков кандидатов, переписка руководителей министерств и ведомств с канцелярией Министерства императорского двора обнаруживают видение ими образа эталонного чиновника. Рассматривая социальный состав придворного штата можно убедиться в том, что наряду со старыми «придворными» фамилиями типа Голицыных, Толстых, Шереметевых во дворе к началу XX в. появляются «новые» – выходцев из неродовитого провинциального дворянства и представителей бюрократии, получивших придворные чины и звания в качестве награды за службу. Анализ национально-конфессионального состава придворного штата позволяет говорить о представленности в нем местных национальных (прибалтийской, польской, финляндской и др.) групп, степени их обрусения и способах взаимодействия.

В эпоху правления императора Николая II придворный под влиянием социальных и законодательных процессов превратился из праздного царедворца в эталонного представителя бюрократического аппарата. Придворная элита в силу своего размера и места в обществе Российской империи заслуживает того, чтобы стать объектом комплексного исследования с точки зрения социально-экономического положения правящего класса времени правления императора Николая II.

Примечания

¹ В 1914 г. в придворный штат входили министр императорского двора, граф В.Б. Фредерикс, 1129 придворных чинов и кавалеров (75 %), 320 придворных дам (21 %), 53 придворных медика (3 %), 14 придворнослужителей, состоявших непосредственно при императоре и императрицах (1 %). См.: Адрес-календарь на 1914 г. СПб., 1914. Стлб. 1–92. Должности дворов великих князей и княгинь имели исключительно служебный характер и в состав придворного штата не входили.

² Вопрос о придворных дамах ввиду особенностей их придворной службы и социального положения в тогдашнем обществе требует особого рассмотрения.

³ В данном случае имеются в виду придворные, для которых подобная служба была единственным занятием.

⁴ Происхождение 144 придворных установить не удалось.

Список источников

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. СПб.–Пг., разные годы.

Придворный календарь. СПб.–Пг., разные годы.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора. Оп. 45. 1906 г. Д. 10 а, 10 г.; 1912 г. Д. 10 в, 10 г.; 1913 г. Д. 10 а, 10 б, 10 е, 47; Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 123. Д. 1; Ф. 740. Департамент общих дел Министерства народного просвещения. Оп. 8. Д. 317; Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел. Оп. 47. 1911 г. Д. 119; 1914 г. Д. 13; Ф. 1289. Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел. Оп. 4. Д. 3789, 3795, 4675; Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. Оп. 11 (доп.). Д. 5.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 11. Императорский Александровский Лицей. Оп. 1. Д. 3896, 3942.

Библиографический список

- Куликов С. В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 3–48.
- Куликов С. В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. СПб., 2000. Вып. 11. С. 21–108.
- Куликов С. В. «Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле»: Придворные и предприниматели в начале XX в. // История глазами историков: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию Е.Р. Ольховского. СПб.: Пушкин, 2002. С. 218–235.
- Куликов С. В. Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории. Проблемы. События. Люди: сб. статей в честь Б.В. Ананьича / отв. ред. В.М. Панеях. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 79–85.
- Куликов С.В. Российские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России / отв. ред. Н. И. Иванова. СПб., 2004. С. 57–82.
- Любимов Л. Д. На чужбине. Ташкент, 1965. 416 с.
- Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М.: Наука, 1971. 143 с.
- Шепелев Л.Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований//Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1976. Т. 8. С. 150–163.
- Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 224 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 16.01.2017

THE COURT STAFF OF EMPEROR NICHOLAS II

S. V. Bogdanov

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Zanevsky ave., 36, St. Petersburg, Russia, 195112
skycaptain@mail.ru

The paper is devoted to the social structure of the court staff of Emperor Nicholas II (1894-1917). Due to the nature of the state system, the institute of the Court was an integral part of the power structures, and its members were the most elite group of the Russian society of the late 19th and early 20th centuries. The author analyzed the funds of the Ministry of the Imperial Court and the funds of other state institutions and summarized the personal data of more than 2500 courtiers. Most of the archival materials from the fund of the Chancellery of the Ministry of the Imperial Court, used in the paper, are introduced into academic circulation for the first time. The generalization helped to create the social portrait of a member of the bureaucratic elite of Nicholas's reign. The results confirm the preservation of traditional qualifications for inclusion in the ruling elite, such as education, career, and family relations. Evaluation of the main criteria for entering the court staff, such as social origin, education, previous career and wealth, demonstrates some of the changes that led to the displacement of the old local aristocracy, for whom the service was an element of socialization, by highly educated professional bureaucrats, for whom the service was the only source of their wealth. The author analyzes how the members of the court staff were incorporated in it or excluded from it, how such decisions were made and what was the nature of the requirements for social and professional qualities of courtiers. It helps to represent the topology of the social space of the ruling elite of the Russian Empire.

Key words: Russian Imperial court of the early 20th century, court ranks and titles, bureaucratic elite, the ruling class, honours of nobility of the Russian Empire, social composition of the ruling class of the Russian Empire.

References

- Kulikov, S. V. (1995), "Social image of higher bureaucracy of Russia on the eve of the February revolution", *Iz glubiny vremen* [From the depths of time], St. Petersburg, Russia, № 5, pp. 3–48.
- Kulikov, S. V. (2000), "Supreme Imperial bureaucracy and the Imperial court on the eve of the fall of the monarchy", *Iz glubiny vremen* [From the depths of time], St. Petersburg, Russia, № 11, pp. 21–108.
- Kulikov, S. V. (2002), «Extraordinarily contemptuous attitude towards the industry and trade»: Courtiers and businessmen in the early twentieth century, in *Istoriya glazami istorikov. Sbornik nauchnyh trudov posvyash-*

- chennyj 70-letiyu E R Olhovskogo* [History through the eyes of historians. Issues of scientific works, dedicated to the 70th anniversary E. R. S. Olkhovsky], SPbGAU, St. Petersburg–Pushkin, Russia, pp. 218–235.
- Kulikov, S. V. (2003), «Court staff and private enterprise in early twentieth century», in Paneyah, V. M (ed.), *Stranitsy rossiyskoy istorii. Problemy. Sobytiya. Lyudi. Sbornik statey v chest B. V. Ananyicha* [Pages in Russian history. Problems. Events. People. Issues of articles in honor of B. V. Ananyich], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 79–85.
- Kulikov, S. V. (2004), «Russian Germans as part of the Imperial court and the higher bureaucracy: the conflict between confessional and national identities in the early twentieth century», in Ivanova N.I. (ed.), *Nemtsy v gosudarstvennosti Rossii* [The Germans of Russian statehood], St. Petersburg, Russia, pp. 57–82.
- Lyubimov, L. D. (1965), *Na chuzhbine* [In a foreign land], Uzbekiston, Tashkent, Uzbekistan, 416 p.
- Minarik, L. P. (1971), *Ekonomicheskaya harakteristika krupneyshih zemelnyh sobstvennikov Rossii kontsa XIX nachala XX v.* [Economic characteristics of the largest land owners of Russia in the late XIX – early XX century], Nauka, Moscow, Soviet Union, 143 p.
- Shepelev, L. E. (1976), “Court ranks and titles in pre-revolutionary Russia in connection with their value for historical research”, in *Vspomogatelnye istoricheskie discipliny* [Special historical disciplines], Nauka, Leningrad, Soviet Union, Vol. 8, pp. 150-163.
- Shepelev, L. E. (1991), *Tituly, mundiry, ordena v Rossiyskoy imperii* [Titles, uniforms, awards in the Russian Empire], Nauka, Leningrad, Soviet Union, 224 p.